

НАТАЛИЯ ОТРЕШКО,

кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологических исследований социогуманитарного факультета Международного Соломонова университета

Картины социального мира: концепты общества и субъекта действия в социологической теории

Abstract

Patterns of the world may be defined as systems of ideas about reality. These systems are accepted in the culture of the certain socio-historic areal. Patterns of the world set the stage for world perception by human being as a subject of cognition and as an actor. Actor's views are conditioned by such an interpretations of reality as self-evident for actors. Thus this way of reality interpretation or Weltanschauung dominates in mass consciousness in certain socio-cultural space.

Intellectual elite elaborates the interpretation of social reality addressed to all social groups. In the Middle Ages, Catholic Church held the monopoly of the universal version of reality interpretation which shaped the religious pattern of world. Starting from the Age of the Enlightenment, patterns of social reality have been shaped by philosophers or, later on, by theoretical sociologists in consequence of secularization process. These developments, as well as concepts of society and actor are treated by objectivist and subjectivist sociological theories in different ways. Such a divergence of opinion is conditioned both by philosophical and by political ideas of theorists.

Социология унаследовала от философии известное количество парных концептов, концептов-дихотомий, среди которых особенно характерной для социологии с самого начала ее становления была оппозиция между коллективным и индивидуальным, “обществом” и “индивидом”. В классических социологических теориях преобладали два взгляда на проблему соотношения индивида и общества: объективизм и субъективизм. Сторонники объективизма считали, что отдельный человек подчинен существующим в обществе структурам, в то время как сторонники субъективизма, напротив, утверждали, что социальные структуры и институты формируются действиями инди-

видов. В современных теориях конструктивизма, в частности теории практической рациональности П.Бурдьё и теории структуризации Э.Гидденса, авторы делают попытку преодолеть дилемму субъективизма/объективизма, вводя концепцию социальной практики как места встречи субъекта действия с социальными структурами в рамках повседневности.

Но до сих пор в социологической теории остаются нерешенными следующие вопросы: каким образом из повседневных взаимодействий индивидов возникает социальный порядок и как в рамках существующего социального порядка возможна свобода действия для индивида. Данные вопросы не должны и не могут быть решены раз и навсегда. Соотношение свободы и необходимости в человеческой жизни, выбор между поступком как актом творчества, разрыва социальной реальности или подчинением, служением существующему порядку в обществе — это проблемы, которые решаются каждый раз по-новому и чаще всего не на теоретическом уровне анализа, а в реальной биографии. Кроме этого существует многовековая философская традиция анализа проблем свободы выбора для людей различных исторических эпох. Конечно, можно было бы согласиться с философами, что эта тема не подлежит социологическому анализу, поскольку социология — наука о массовых, социальных явлениях, глобальных тенденциях современных обществ.

Но, с моей точки зрения, теоретическая социология — не столько наука, изучающая проблемы индустриального и постиндустриального обществ, сколько проект описания десакрализованного социального мира, пришедший на смену религиозному проекту мироздания в Новое время в обществах западного типа. Данное утверждение следует частично точке зрения К.Манхейма, его социологии знания [Манхейм, 1994]. Частично же я опираюсь на определение различия “большой” теории и теорий “среднего уровня”, представленное в работе А.Гоулднера “Наступающий кризис западной социологии”. А.Гоулднер утверждает, что “большая теория” в социологии не противоречит теориям среднего уровня, а “связана с другим видом проблем: по сути ее задача — разрешать противоречия, ориентировать, устанавливать смысл и упорядочивать, а не утверждать знание”. “Социальная функция социальной теории состоит не в том, чтобы поставлять “факты” о социальном мире, а в том, чтобы осуществить переориентацию, уменьшающую беспокойство, обеспечить новую всеобъемлющую картину, которая показывает, каковы вещи и где они вступают в отношения друг к другу” [Гоулднер, 2003: с. 116].

Основная же функция “большой” теории, по А.Гоулднеру, — осуществлять ориентацию для субъектов действия различных социальных групп в период кризиса. Имеется в виду, вероятно, кризис как ситуация перехода общества от одного стабильного состояния к другому. Но можно интерпретировать ситуацию кризиса и шире. Ориентация в процессах социальной реальности особенно актуальна для субъектов действия в ситуации кризиса мировоззрения, трансформации смыслов повседневной жизни. Теоретики в этом случае должны представить внятное описание происходящих трансформаций, а также показать возможные варианты выхода из сложившейся ситуации кризиса.

Исходя из такой формулировки задач социологической теории видно, что она должна существовать как минимум на двух разных уровнях — на уровне научных трактатов, представляющих знание о социальной реальнос-

ти для социогуманитарного научного сообщества, и на уровне научно-популярных работ, в которых более простым языком были бы изложены основные тезисы современного социологического знания. В любом случае социологическая теория не должна превращаться в своеобразную форму эзотерического знания для посвященных, которые продуцируют новые понятия и теоретические модели без привязки к конкретным историческим процессам социальной реальности. С другой стороны, не следует смотреть на социологическую теорию как на сугубо прикладной тип знания, которое должно выдерживать проверку в ходе эмпирических исследований. Скорее, теоретическое знание в современной социологии можно рассматривать как общую понятийную и методологическую рамку для всего социогуманитарного познания. Но для того, чтобы эта рамка стала востребованной и рабочей, необходимо прояснение базовых концептов, что предполагает экскурс в историю их формирования в социологическом научном дискурсе. Прежде всего это относится к концептам “общество” и “индивид как субъект действия”.

Прежде чем обратиться к анализу этих двух концептов, вероятно, уместно будет обосновать обозначенный выше тезис о том, что социологическая теория — это проект описания реальности, заменяющий религиозный проект в западном типе цивилизации, начиная с эпохи Просвещения, и что авторы социальных теорий в Новое время по существу создавали новую картину социального мира для всех групп общества. Но прежде нужно определить основные позиции, позволяющие более четко сформулировать само понятие “картина мира”, поскольку применение данного философского и лингвистического понятия требует обоснования в рамках социологической теории.

Картины мира как способ познания реальности

С точки зрения философской антропологии потребность в ориентации заложена в человеке наряду с потребностями в эмоциональной привязанности и творчестве. Человек — существо, открытое миру. В отличие от животных, чье поведение запрограммировано инстинктами и другими биопрограммами, человек запрограммирован не до конца. Отсюда большая уязвимость, но и большая гибкость в приспособлении людей к окружающей реальности. В ситуации отсутствия жесткой программы/инстинкта в человеческой жизни остается выбор возможных вариантов действий. Этот выбор осуществляется в процессе повседневного принятия решений разного уровня ответственности. Важным в этой ситуации остается одно: решения человека не навязываются ему инстинктом. Он вынужден принимать их сам. “Он сталкивается с необходимостью выбора, и в каждом принимаемом решении есть риск провала” [Фромм, 2006: с. 110]. Человеку как существу не только биологическому, но и разумному приходится защищаться не только от опасности потерять жизнь, но и от опасности впасть в безумие. Критерии безумия различны; один из них — нарушение связи между человеком и окружающей его действительностью, неспособность выбирать эффективную линию поведения.

Человек — существо, стремящееся к упорядочению окружающего мира. Отсюда необходимость создания того, что в социологии называется социальным порядком в качестве естественной необходимости, следующей из человеческой природы, — поиск упорядоченной реальности в противовес

окружающему хаосу, часто враждебному или, по крайней мере, безразличному к человеку с его жизненным инстинктом. Но при этом следует отметить следующий факт — нуждаясь в социальном порядке, человек всегда остается им недоволен, то есть диалектика социальной жизни состоит в том, что эта жизнь необходима и в то же время недостаточна для человека. Значение культуры, религии, философии, позднее целого корпуса социогуманитарных наук состоит в том, чтобы компенсировать эту недостаточность, смягчить недовольство существующим положением вещей, представить несколько иных возможных вариантов существующей социальной реальности.

Познание окружающего мира человеком не происходит непосредственно, по принципу прямого отражения объектов внешнего мира в сознании субъекта. В качестве посредника в сознании познающего присутствует то, что сегодня в философии познания и социолингвистике принято называть картинами или образами мира. В основе этих образов лежат как идеи здравого смысла, так и научные идеи, ставшие частью установившихся представлений о мире. Но наиболее общую смысловую рамку в картинах мира создают базовые философские метафоры и допущения, ставшие истинами для определенных культур. Они закладывают основы традиций общества и доминирующую норму мировоззрения, которая отделяет смысл от бессмыслицы, разум — от безумия в повседневной жизни, а также в таких особых сферах познания, как наука, религия, философия.

Картины мира — система представлений о реальности, принятая в культуре определенного социально-исторического пространства. Картины мира формируются посредством языка — как обыденного, так и научного — и создают основу для восприятия мира человеком как субъектом познания. Мировоззрение субъекта в социоисторическом пространстве конституируется заданным способом интерпретации реальности, которая представляется ему самоочевидной. Данную интерпретацию также можно назвать картиной мира, доминирующей в групповом и массовом сознании в конкретном социокультурном пространстве. В каждом таком пространстве есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать интерпретацию мира, в том числе и социального, для всех групп, составляющих общество. В социологии знания К.Манхейма такие группы называются интеллигенцией. В данной статье вместо понятия “интеллигенция”, в русском языке и культуре имеющего особую смысловую нагрузку, используют понятия “интеллектуалы” или “интеллектуальная элита”.

Чем более статично общество, тем с большей степенью вероятности группы интеллектуалов могут приобрести особый сакральный статус и превратиться в закрытую касту, что и представляли собой касты жрецов в Древнем Египте, Индии, а позднее — в греческих городах-полисах. В средневековом западном христианстве такой закрытой группой была католическая церковь.

Чем в большей степени слой интеллектуалов становится выразителем некоей строго организованной общности (например, церкви), тем сильнее он склоняется в своем мышлении к своего рода “схоластике”, которая первоначально формируется как особый тип мышления, свойственный интеллектуалам, своеобразный вариант сакрального знания для избранных. Благодаря этому “схоластика” как монополистический тип мышления интеллектуалов обладает относительной отдаленностью от конфликтов повседневной жизни и вообще от реальности как таковой. Субъекты познания, обла-

дающие “схоластическим” типом мышления, не ищут доказательства для фактов, а “удовлетворяют собственную потребность в систематизации, в силу которой все факты жизни соотносятся с традиционными данными и неконтролируемыми предпосылками” [Манхейм, 1994: с. 16]. Задача такого способа познания — “придать догматически связывающую силу тем способам мышления, которые прежде были значимы только для определенной секты” [Манхейм, 1994: с. 15].

Такой догматической силой обладают базовые онтологические принципы. Они определяют глубинный смысл, заложенный в любой картине мира. Онтология описывает тот мир, который есть, определяя правила отделения сущности от формы. Например, смысл, заложенный в классической западной онтологии, позволяет интегрировать в философии и психологии единицы поведения субъекта в связанное целое — и появляется идея о личности как наборе относительно постоянных характеристик. В классической социологии онтологическим статусом наделяется образ общества как системы взаимосвязанных элементов: социальных институтов, организаций, групп.

Базовые онтологические понятия представляют собой своего рода табу по отношению ко всем остальным источникам смысловых значений. С помощью таких понятий, как “человек”, “Бог”, “природа”, “общество”, в различных картинах мира, начиная с религиозных, упрощается и унифицируется реальность, ее многообразие форм жизни и бытия. Это упрощает ориентацию в мире и в социокультурном пространстве субъектам действия из различных социальных групп, создает универсальный образ бытия для всего общества.

Фундаментальный вопрос любой онтологии: “Что принимать за реальное?” И второй вопрос, уточняющий первый: “Что принимать за значимое при описании этой реальности?”

То, что интеллектуальная элита в определенных религиозных, философских, научных картинах мира объявляет реальным, на какое-то время обретает онтологию. Но при этом всегда остается открытым вопрос: что из объявленного существует на самом деле? Данный вопрос оказывается в социальном мире неизбежно связан с другим: “Кто и каким образом будет определять, что в мире реально существует, а что нет?” Этот, последний вопрос неизбежно порождает борьбу между группами интеллектуалов за право производить истинное знание о мире; это борьба церкви с язычниками и ересью, правящей элиты — с разными формами оппозиции, в научном сообществе — между представителями различных научных школ и теоретических направлений.

Десакрализация картины социального мира в Новое время

В картинах мира, доминировавших в западных культурах до Нового времени, были отчетливо выражены семиотические “центр” и “периферия”. “Центром” выступал тот или иной образ субстанции, вокруг которого выстраивались “периферийные” объекты познания. Например, в Античности такой субстанцией был образ Космоса, в Средние века — образ Бога, в эпоху Возрождения — образ человека как творца собственной судьбы, в Новое время определенную субстанциональность сохраняют образы природы и общества как естественной и социальной целостности/системы.

Во всех случаях семиотический центр картин мира использовался интеллектуальной элитой для того, чтобы с его помощью упорядочить хаос разрозненных изучаемых объектов, выстроить их иерархию, создавая соответствующую систему понятий. Знание о “центре” как основополагающей субстанции наделялось статусом сакрального и было доступно только посвященным. Все другие виды знания провозглашались профанными и наделялись более низким социальным статусом по сравнению с “истинным”, сакральным знанием. Таким образом, сакральное знание выступало в виде символического ресурса интеллектуальной элиты, которая частично наделяла им субъект власти — правящую элиту. Обладание особым видом знания позволяло поддерживать постоянную дистанцию между элитами обоих типов, с одной стороны, и остальными социальными группами — с другой.

Особенность поддержания власти в социальном пространстве состоит в том, что субъекты власти постоянно вынуждены взаимодействовать с подчиненными групповыми и индивидуальными субъектами, то есть входить в социальное пространство взаимоотношений и взаимообменов, поэтому они, эти субъекты власти, должны, в то же время, создавать и поддерживать дистанцию от субъектов других социальных групп, чтобы обосновать свое особое, элитное место в социальном пространстве, дающее право на власть. Поэтому им всегда была необходима интеллектуальная элита, выполняющая функцию посредника в сетях социального взаимодействия. В истории интеллектуалы часто говорили посредством устной речи или письменного текста с подчиненными социальными группами от лица власти и социального порядка в обществе. Интеллектуальная элита наделяла правящую элиту особым статусом. Наличие символического капитала позволяло субъектам власти в традиционных картинах социального мира занимать особое положение, что делало их действия неподвластными общепринятым законам и нормам. Поскольку считалось, что земная власть происходит не из самой себя, а является отражением божественной власти, то действия субъектов власти не подлежали обычному земному суду. Они трактовались как действия от лица Бога в интересах всех социальных групп, входящих в общество.

Однако социальное пространство — это пространство открытое и динамическое. Изменение условий жизни и связанное с этим изменение соотношений властных сил приводит к кризису установившейся картины мира и смене ее новой, более адекватно отражающей изменившиеся условия. В ситуации кризиса социальных систем происходит перераспределение всех видов капитала, в том числе и символического. Тогда своеобразная интеллектуальная контрэлита формирует основы новой картины мира. Таким образом, революции в социальном пространстве начинались с революций в сознании интеллектуалов. Как считал К.Манхейм, “фундаментальная переоценка мышления в Новое время стала возможной только после устранения интеллектуальной монополии духовенства” [Манхейм, 1994: с. 17]. Философы Нового времени в гносеологии “пытались устранить неопределенность мышления человека Нового времени, отталкиваясь не от догматического учения о бытии, не от миропорядка, санкционированного высшим типом знания, а от анализа познающего субъекта” [Манхейм, 1994: с. 17]. На смену средневековой схоластике, устойчивым принципам онтологии в научных картинах мира приходят принципы гносеологии — принципы относительности познания и истины. На смену религиозным картинам мира приходят

научные модели познания, разделенные по предметам и методам исследования и имеющие конкретное эмпирическое приложение.

Итак, вместо традиционной, освященной авторитетом церкви истории сотворения мира, где все уже изначально предопределено Божественным провидением, возникла концепция разделенной — природной и социальной — реальности, различные части которой доступны в различной степени для контроля со стороны людей. Предпочтение в социальном научном познании “отдавалось методу, который доказал свою наибольшую пригодность для ориентации в мире и свою плодотворность в области естественных наук — эмпирическому методу” [Манхейм, 1994: с.19]. Субъекты научного познания в социальных науках частично занимают место церкви как посредника между Богом и социальным миром. Формулируются следующие базовые характеристики научного метода познания — объективность, беспристрастность как отсутствие эмоциональных оценок и предвзятых мнений, поиск универсальных законов социального мира с целью дальнейшего его усовершенствования и реформирования. На смену сакральности религиозного знания приходит доступность для всех научных методов познания при условии соответствующего желания им следовать и предварительного профессионального обучения.

Кроме этого, следует отметить, что в философских и научных картинах социального мира начиная с Нового времени правящая элита лишается статуса Божьих избранников. Ни одна из социальных групп в десакрализованном обществе не может претендовать на власть по праву наследования. На смену этому праву приходит идеология либерального, демократического общества, где предполагается, что правящая элита несет ответственность перед подчиненными ей социальными группами за сохранение социального порядка. Власть в такой картине социального мира наделяется легитимностью в том случае, если она способна выступать от лица Разума и, соответственно, обладает способностью предвидеть возможные последствия собственных действий.

Можно выдвинуть гипотезу, что социология появляется в качестве отдельной науки в конце XIX века именно в связи с необходимостью изучения предвиденных и непредвиденных последствий социальных действий на разных уровнях принятия управленческих решений. Помимо этого социологическая теория становится такой формой интеллектуальной деятельности, где в рамках различных теоретических подходов создаются различные интерпретации множественной картины социального мира. Монополию на высшую истину церкви сменяет плюрализм мнений по поводу одного и того же объекта или процесса в социальной реальности. Различные социальные группы с разным соотношением экономического, политического, культурного и символического капиталов претендуют на различные интерпретации социального мира. Эти различия находят свое отражение в теоретических направлениях социологии.

Концепт общества как социального целого и “единичное множественное” современной социальной реальности

В классической социологии пространство действий социальных субъектов было представлено концептом общества как смешанной системы, од-

новременно социальной и политической. Образ политики как пространства, разделяемого на социальный институт государства и сферу гражданского общества, который был представлен в работах социальных философов XVIII–XIX веков, в XX веке уступает место образу единой системы, управляемой разумом и стремящейся к прогрессу — так называемого общества всеобщего благоденствия.

В концепции Т. Парсонса, которая, как известно, представляет собой синтез идей классической социологии, окончательно утверждается образ универсального общества как социальной системы, взаимодействующей с окружающей средой. “В классической социологии в версии Т. Парсонса общество принимает вид целого, стабильно и связно организованного вокруг принципов инструментальной рациональности” [Турен, 1998: с. 35].

Но доминирование концепта общества как единой социальной системы в западной социологической теории длилось относительно недолго. В ходе развития экономических и политических социальных институтов в западных государствах представление о единой системе ценностей и интересах общества оказалось дискредитировано. В XX веке появляются индивидуальные и групповые субъекты власти, которые, обладая достаточным экономическим и культурным капиталом, создают новые каналы влияния в политическом и социальном пространстве. Они, по существу, представляют оппозицию субъектам государственной власти. Поэтому в конце минувшего века в социологических и политологических теориях вновь возникает образ гражданского общества как поля деятельности субъектов, противостоящих в своих интересах государству, ограничивающих его влияние в поле политической власти. Общество, управляемое разумом, перестает казаться субъектам познания альтернативой войны всех против всех. Оно представляется уже как система всемогущего господства с безжалостными механизмами его поддержания, стремящаяся к тотальному контролю над субъектами действия. Образ демократического общества, “государства всеобщего благоденствия” сменяется образом власти, тонко манипулирующей сознанием граждан посредством различных форм идеологии, создаваемой для правящей элиты в социальных науках.

Место образа общества как социальной системы в работах теоретиков нового направления — конструктивизма — занимает образ социальной реальности. Последняя предстает как поле игры по определенным правилам. Знание об этих правилах позволяет субъектам действия либо принимать их, либо обходить, выбирая тем самым ту или иную стратегию успеха и выживания. Единого, универсального образа общества в конструктивизме больше не существует, ему на смену приходит образ реальности, где различные социальные силы оспаривают друг у друга право на историчность, на доминирование не только в политическом, но и в культурно-символическом поле, в первую очередь в средствах массовых коммуникаций.

Борьба идеологий в работах конструктивистов, прежде всего А. Турена и П. Бурдьё, предстает уже не как борьба рационально определенных стратегий действия, а как борьба символов существующего мира человеческих взаимоотношений. Отсюда — часто возникающая картина хаоса и полной свободы выбора не только образа жизни, но и базовых основ мировоззрения как доминирующий образ другого направления, постмодернизма. И отсюда же — тенденция в современной философии изображать мир не как единое

бытие, а как “бытие единичное множественное” [Нанси, 2004]. Такой образ “разрушает единую и субстанциональную сущность бытия” [Нанси, 2004: с. 55]. В такой картине мира ничто не предшествует существованию, нет никакой предзаданной логики и смысла, кроме смысла быть живым. Любая социальная группа при такой интерпретации социальной реальности имеет право на существование, поскольку особенностями группового мышления вносит дополнение и разнообразие в уже существующую картину мира, тем самым ее обогащая.

“Единичное множественное бытие означает, что сущность бытия существует только лишь как со-сущность” [Нанси, 2004: с. 55]. Она не является совокупностью отдельных сущностей, не существует как некое единое, по отношению к которому частные сущности стали бы акциденциями. Со-сущность существует как разделение в виде совокупности различных сущностей, которые нельзя объединить в одно целое, поскольку при этом они бы утратили свою уникальность и перестали существовать как сущности. Это совместное разделенное бытие многообразия существующего мира, которое при попытке свести его к чему-то единому сразу становится абстракцией и перестает соответствовать жизни.

До тех пор, пока такой образ бытия применяется для описания взаимодействия человека и мира вообще, он не вызывает особых проблем, но как только мы попробуем взять единичное множественное за основу анализа социальной реальности, сразу возникают вопросы. Например, вопрос о том, как могут в одном социальном пространстве бесконфликтно уживаться две противоположные тенденции глобализма и антиглобализма. Означает ли в этом случае, что множественное социальное бытие возможно только в среде интеллектуальной элиты современных мегаполисов как проявление толерантности по отношению к сексуальным меньшинствам или употреблению легких наркотиков, то есть терпимости к различным проявлениям частной жизни без примеси политической идеологии. Толерантно может быть также отношение к культуре, инородной и чуждой для того, кто эту толерантность проявляет, но лишь в том случае, если она не вторгается в его жизненное пространство и не ломает установленный порядок вещей.

Отсюда можно прийти к следующему выводу: множественность социальной реальности и вытекающая из этого терпимость к различным идеологиям и картинам мира оказывается возможной в массовом масштабе лишь в поле обезличенных отношений. Как только множественность вторгается в ближайшее социальное окружение индивида, данный факт, как правило, вызывает негативную реакцию. Это естественно, поскольку, обретя некую социальную идентичность, индивид пытается ее сохранить и отстоять перед лицом других, часто непонятных, а значит, потенциально враждебных идентичностей иных социальных групп.

Так, проблема понимания *другого* перестает быть отвлеченно философской и становится проблемой современной социальной жизни. Какое же место в этом занимает социология? Являясь неотъемлемой частью социальной реальности, она в то же время выступает рефлексией по поводу основных тенденций данной реальности. Теоретические взгляды социологов, их методология связаны с определенным видением ситуации, определенной идеологией, которую исповедует ее автор. Поле противостояния различных точек зрения может включать самые разнообразные дихотомии. В наиболее

общем виде, как отмечалось в начале статьи, это можно представить как противостояние объективизма/субъективизма.

В первом случае общее доминирует над частным, общество — над индивидом. Социальная реальность изображается как объективная, независимая от сознания субъекта реальность, законы которой человек не может изменить так же, как законы физического мира. Кроме того, считается, что общество как упорядоченная система взаимоотношений в своей относительной стабильности более значимо, чем хаотичное проявление частных интересов субъектов, поэтому ими в случае необходимости можно пренебречь. Субъект подчиняется установленному порядку. Иначе его действия рассматриваются как девиантное поведение. Основным принципом управления в таком случае является принцип социального контроля, отслеживание отклонений и либо работа по их жесткому искоренению, либо более мягкий вариант манипуляции как исправления недостатков социализации субъектов. В любом случае скрытой целью является приведение социальной реальности к одному универсальному знаменателю, единой системе ценностей, установленной в обществе.

Во втором случае, в концепциях субъективизма, индивидуализма их авторы исходят из противоположной позиции. С их точки зрения, социальная реальность не существует независимо от сознаний и действий индивидов. Напротив, ее структуры формируются и поддерживаются в результате повседневной практики субъектов действия. Порядок в обществе формируется из хаоса различных побудительных мотивов и представляет собой не строго упорядоченные структуры, а мобильные сети взаимодействий, в которых одновременно действует множество факторов. Доминирующим принципом влияния на существующую ситуацию является принцип наименьшего вмешательства, поскольку любое внедрение в социальные сети нарушает их самоорганизацию и может привести к непредвиденным последствиям. Такой принцип согласуется с философией либерализма, которая возникает под влиянием перехода западных обществ к динамичной рыночной экономике, а затем трансформируется в современную теорию неолиберализма.

Помимо этой дихотомии, разделяющей социологию на два поля познания, существуют другие демаркационные линии. Порядок/изменение, структура/действие, жизненный мир/система — это наиболее общие понятия, с помощью которых рассматривается социальная реальность. Но главным все же следует считать вопрос о подчинении и свободе субъекта, принятии им существующего порядка вещей или бунте против него. При всей неоднозначности решения подобного вопроса мне представляется, что людей, работающих в социальных науках, можно условно разделить на сторонников той или иной доминирующей идеологии и критиков основ общества. “Социология, — как писал А.Гоулднер, — может порождать как консерваторов, так и радикалов” [Гоулднер, 2003: с. 35].

И те, и другие в разные времена выполняют определенную функцию. Первые провозглашают порядок и стабильность высшей ценностью и доказывают, что только с их помощью общество сможет победить анархию и разрушительные тенденции индивидуальных, эгоистических устремлений. Как правило, это точка зрения правящих кругов и среднего класса, который всегда тяготел к упорядочению реальности с тем, чтобы иметь возможность повышать свой статус в стабильной системе отношений.

Вторые выступают от лица тех групп, которые по разным причинам не довольны сложившей в обществе ситуацией. В своих работах они разоблачают скрытые механизмы манипуляции, присущие любой власти, описывают случаи дискриминации прав тех или иных социальных групп или личности как таковой. Анархия таких мыслителей не пугает, скорее они склонны находить в социальном порядке источники подавления свободы индивидуальности и творчества и не считают, что с этим можно мириться.

Остается открытым вопрос: возможен ли третий путь для теоретика в социологии? Или в другой формулировке: возможно ли создание социологической теории, которая смогла бы преодолеть идеологическую привязку и политическую ангажированность? В любом случае работа над уточнением и прояснением базовых мировоззренческих предпосылок социологических теорий поможет определить, какие из теоретических концептов действительно могут работать при описании современных проблем и тенденций социальной реальности, а какие — нет. Прежде всего, в таком уточнении, на мой взгляд, нуждаются понятия социальной и публичности, поскольку они формируют смысловое содержание более широкого понятия “общество”. Достаточно актуальным для современной социологической теории будет также анализ социального действия на основании таких характеристик, как интенциональность, различные формы рациональности действия, практический смысл и инструментальная направленность социальных действий субъектов.

Литература

- Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. — СПб., 2003.
Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994. — С. 7–276.
Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. — Минск, 2004.
Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998.
Фромм Э. Революция надежды. — М., 2006.